

Фотография в романе сербского писателя Ивана Токина «Самый нормальный человек в мире»

Шатько Евгения Викторовна
Кандидат филологических наук, младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: eshatko@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9467-8987

Цитирование

Шатько Е.В. Фотография в романе сербского писателя Ивана Токина «Самый нормальный человек в мире» // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 344–352. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.06

Статья поступила в редакцию 28.08.2021.

Аннотация

Дебютный роман Ивана Токина «Самый нормальный человек в мире» вышел в 2014 г. и с тех пор пережил более десяти переизданий. Написанный от первого лица, по форме он напоминает дневник, описывающий определенные события из жизни героя. Роман состоит из 49 небольших глав, каждая из которых разделена на две части, первая всегда обозначена порядковым номером, а вторая тем же номером с буквой «а», например, первая глава состоит из «1» и «1а» частей. При этом первая часть каждой главы — это подробное описание одной фотографии из детства (реже — юности) героя, а вторая — глубоко интимный рассказ о жизни белградца. Если в начале романа описания фотографий несут скорее функцию лирических отступлений, пауз в основном повествовании, то впоследствии они перестают быть лишь описаниями изображения, они становятся микрорассказами, поясняющими и дополняющими основную сюжетную линию. В статье представлен анализ смены повествовательной модели в «фотографических» главах романа.

Ключевые слова: *сербская литература, Иван Токин, «Самый нормальный человек в мире», фотография и литература.*

Современный сербский писатель Иван Токин (р. 1971) с 2009 г. ведет колонку «В воздухе» для журнала *City magazin*¹. В 2014 г. он публикует свой дебютный роман «Самый нормальный человек в мире». С 2015 г. регулярно выходят сборники его рассказов: «Молекулы» (*Molekuli*, 2015), «Собака» (*Pas*, 2017), «M2 Мультиверсум» (*M2 Multiverzum*, 2018). Второй роман Токина «Нели» публикуется в 2019 г. Его герои — самые обычные люди (или собаки²), автор описывает их повседневные ритуалы, мастерски подчеркивая ценность на первый взгляд незначительных мелочей.

Роман «Самый нормальный человек в мире» пережил более десяти переизданий, получил множество восторженных отзывов в соцсетях, был переведен на словенский язык, вышел в формате аудиокниги. Написанный от первого лица, по форме он напоминает дневник, описывающий переходный период в жизни героя: конец долгой апатии и начало новой жизни. Сербский критик и колумнист Теофил Пантич так охарактеризовал «Самого нормального человека...»: «Роман Ивана Токина сдержанно нежный, элегантен, с жестким финалом. Прекрасно сочетается с вином, сыром и Майлзом Дэвисом. Хранить в сухом, защищенном от солнца месте, принимать в одиночестве, думая о ком-то дорогом, неважно, достижимом ли»³.

Главный герой романа никак не назван: от его лица ведется повествование. Он редко выходит из дома, находится в депрессивном состоянии, из которого его выводит полиция, подозревающая его в совершении некоего преступления, суть которого так и не будет раскрыта. В участке герой отказывается давать против себя показания и просит назначить ему адвоката. Им оказывается женщина, которая помогает герою выйти практически сухим из воды. В процессе «душевного выздоровления» он отказывается от предыдущих способов заработка (так и не названных), устраивается на работу поваром, влюбляется в своего адвоката, которая вскоре уедет в США, отработывает административное наказание, ухаживая за парком Освободителей Белграда, и меняет старую семейную квартиру на ту, где начнет новую жизнь, по сути уже начатую. Большинство героев романа названы по какой-то своей функции, а не по имени. Так,

---

1 См. подробнее: *Tokin I. Kolumne // City magazin*. URL: <https://citymagazine.danas.rs/tag/ivan-tokin/> (дата обращения: 15.09.2021).

2 Повествование в романе «Собака» ведется от лица собаки.

3 *Pantić T. Najnormalniji čovek na svetu*. URL: https://www.delfi.rs/knjige/62988_najnormalniji_covek_na_svetu_knjiga_delfi_knjizare.html (дата обращения: 20.09.2021).

например, женщина-адвокат — *Pravnica* (юристка), следователь — *Šef*, его помощник — *Visoki* (Высокий), хозяин сплава⁴ — *Gazda* (сербское разговорное «хозяин»), девочка-соседка, выгуливающая собаку героя, — *mala prijateljica* (маленькая подруга), собака — *pas* (собака) и т. д. Это перекликается с видением героя самого себя как самого нормального, читай — обычного, человека в мире. По имени названо всего несколько персонажей. Это Тияна, сообщившая герою о его наказании; Никола, таксист, обожающий собаку героя; Родна, женщина, отвечающая за работу по поддержанию парка. Имя есть также у Милены, дочери женщины, которая узнала героя в полицейском участке, но не выдала его при опознании. Позже выяснится, что она так поступила, чтобы дать герою шанс спастись, поскольку он заставлял ее дочь, подрабатывавшую в доме его родителей, помогая с уборкой, есть овощи.

Роман состоит из 49 небольших глав, каждая из которых разделена на две части: первая всегда обозначена порядковым номером, а вторая тем же номером с буквой «а», например, первая глава состоит из «1» и «1а» частей. При этом первая часть каждой главы — это подробное описание одной фотографии из детства, юности и — реже — взрослой жизни героя, встречаются также фотографии членов его семьи, а вторая — глубоко интимный рассказ о жизни белградца, сопровождаемый его размышлениями, чувствами, сомнениями и решениями, которые занимают значительно более важное место в тексте, нежели сюжетные повороты, отошедшие на второй план.

В данном исследовании мы обратимся в первую очередь к «фотографическим» частям глав, занимающим значительно меньший объем произведения, чем «сюжетные». Первые описания изображений имеют единую структуру. Это небольшие фрагменты текста (от одного абзаца до страницы), достаточно подробные, чтобы читатель мог себе представить фотографию: «Мама и сын на лугу. Со стороны мамы дует сильный ветер, трава гнется, волосы у нее растрепались. Сыну два года, сидит на корточках, спрятался за матерью от ветра. Она опустилась рядом с ним на колени и правой рукой показывает ему что-то вдалеке. Что-то говорит, это видно. Он смотрит в том направлении, куда указывает мама, хмурится и, насколько может, телом поворачивается к тому, на что смотрит. Он как будто не может сдвинуться с места, но то, что он видит оттуда, с того места рядом с ней, — его»⁵.

⁴ Ресторан, кафе или клуб, расположенный на пришвартованном судне.

⁵ *Tokin I. Najnormalniji čovek na svetu*. Beograd, 2017. S. 47. Далее страницы указаны в тексте статьи. Здесь и далее перевод автора статьи.

В описании фотографий Токин всегда большое внимание уделяет позе, трактуя ее как незавершенное движение («Смотрит вдаль, расстрепанный, смертельно серьезный, прикидывает, кто из игроков в лучшей позиции, пытается понять, куда бросать мяч», s. 43) или как отражение внутреннего состояния («Мама стоит, удерживая равновесие на мягком постаменте, и испуганно, с недоверием смотрит перед собой», s. 31). С развитием действия структура фотоглав меняется: к тестовому описанию изображения сначала добавляются личные местоимения, указывающие (или подтверждающие догадку читателя), тем самым, что это фотографии из личного архива героя: «Мама смотрит влево от себя, вниз на ребенка, который не виден на фотографии, но по взгляду мамы видно, что она смотрит на ребенка, или на собаку, или кошку, но я знаю, что она смотрит на ребенка, она смотрит на меня» (s. 13) [курсив наш. — *Е. III.*], «Как будто он [ребенок на фото] хочет именно этот лист бумаги, и вот он — в руке, осталось только вытянуть. И опять, я знаю, что он понятия не имел, что схватил, уцепился за что-то со дна [ящика]» (s. 26), «Это фотография 1938 г. На ней мама мальчика, моя мама» (s. 31). Затем герой постепенно все чаще переходит от простого описания изображения к размышлению об увиденном: «Малыш наклонился и смотрит. Я бы хотел знать, о чем. На что он смотрит? Кажется, что он что-то планирует, а я не могу вспомнить, что» (s. 47), «Я смотрю прямо в объектив, и снова как будто мимо него. Я поражен. Как будто я увидел себя, смотрящего на фотографию. Как будто я увидел себя, тридцатипятилетнего, не знающего, как жить дальше» (s. 63).

Начиная с 11 главы герой все чаще начинает говорить с людьми из прошлого, запечатленными на фотографиях. На 11-й фотографии мальчик держит отцовскую курительную трубку как телефонную: «Говорит мне что-то в отцовскую трубку. Я его совсем не слышу. <...> он смотрит прямо в объектив, смотрит на меня, <...> будто ждет, что вот-вот что-то услышит, как будто я ему должен что-то сказать. Я спрашиваю: — На что ты смотришь этими своими глазами? О чем думаешь? Какие у тебя планы? <...> Он меня намеренно не слышит» (s. 51). В 16-й главе состоится первый успешный диалог — героя и его отца. На фотографии бабушка, дедушка, отец и дядя героя, перед отцом стоит нетронутый кусок торта, а кажется, что он что-то жует: «Отец меня спрашивает: “На что ты смотришь?” Я ему говорю: “Смотрю, что ты жуешь, если у тебя во рту ничего нет”. — “Что я жую, мое дело”. — “Опять ты грубишь”. — “Я грублю, потому что ты не думаешь. Думай”» (s. 86). Далее по тексту романа герой будет черз

фотографии говорить с матерью, отцом, другом детства, с собой и даже костью. Только одна глава, 41-я, описывает не фото, а рентгеновский снимок, что, однако, не меняет общей структуры: описание изображения плавно переходит в диалог: «“Ты лопнула?” — “Лопнула”. — “Тебе больно?” — “Мне не больно, я просто делаю свою работу. Больно тебе”. — “Было очень больно”. — “Я ничего об этом не знаю. Ты должен следить за собой”. — “Я не умею”. — “Значит, будет больно”» (s. 205). Интересна также 13-я глава, в которой описываются сразу три фотографии: «Когда я хотел достать тринадцатую фотографию из коробки, я вынул три, склеились» (s. 63). Мальчик с третьей фотографии спрашивает героя: «Это лучшее, что ты можешь?» (s. 64). Тот отвечает отрицательно, добавляя, что не знает, чего хочет, что хорошо понимает, чего не хочет. И с этого разговора в основной сюжетной линии романа происходит практически невидимый поворот: герой начинает жить так, как ему кажется правильным. Признаваться в своих чувствах, не будучи уверенным во взаимности, принимать верные решения, слушать и слышать себя и других, заботиться об окружающих людях — жить, как самый нормальный человек в мире.

Из 49 описаний фотографий 23 сопровождаются внутренним диалогом, который иногда подается как разговор с собой прошлым, 26 глав содержат беседы с людьми на фотографиях. Из этих оживающих изображений становятся известны факты из жизни семьи героя: что отец был сильно старше матери, что после рождения сына она чуть было не ушла из семьи, что старший брат героя умер, что сам он служил и др. На первый взгляд, эти главы мало связаны с основным повествованием, они будто лишь более подробно раскрывают образ героя. Так, например, в главе 36 происходит такой диалог между пятилетним и тридцатипятилетним «я»: «“Тебе уже мала эта куртка”. — “Мала, но в самый раз”. — “У тебя всю жизнь так”. — “Куртка?” — “Нет, то, что мало, тебе в самый раз”. — “Это хорошо?” “Это отлично!”» (s. 181). Однако сразу за этим диалогом герой меняет работу поваром на отработку своего наказания, т. е. на работу в парке, которая не приносит ему денег, но дарит спокойствие и понимание ценности простой жизни. Так же связаны, например, главы 8а и 9: в первой героя бьет сотрудник полиции, а затем его спасает женщина-юрист, во второй описано фото с мальчиком в возрасте двух лет — «футбольный нападающий готов нанести удар» (s. 43), и да, в продолжение романа герой нанесет своего рода удар, он больше не позволит полиции давить на себя. За главой 37а, в которой производится генеральная уборка квартиры, следует 38-я фотография — мама с пылесосом. Главе 45а,

в которой герой проводит ночь с женщиной-юристом, будто вторит настроению из описания 46-й фотографии: «Я лежу на траве. Мне тринадцать лет и девятнадцать дней. Я улыбаюсь. <...> я готов всем телом обнять вселенную» (s. 229). Связанные по смыслу главы necessarily идут в романе друг за другом: в 2а герой говорит о своей любви к женщинам, что он любит за ними наблюдать и просто находиться рядом, а в 31-й главе он описывает фотографию, где его отец именно так смотрит на свою жену.

Диалоги, представленные в рассматриваемых главах, заметно меняют настроение от первых неудачных попыток поговорить с самим собой, через взаимные претензии (см. разговор с отцом, приведенный выше), к принятию себя: «Я голый, и растрепанный, на пляже, мне два года. <...> Я смотрю спокойно, как будто я почти ничего не знаю или как будто мне все ясно. Смотрю прямо на себя, в свои глаза, сейчас: “Что мне делать?” — “Все в порядке”. — “Все то, что я сделал, и эта женщина, и все?” — “Все в порядке”. — “Значит, я хороший и не нужно волноваться?” — “Ты не хороший, нужно волноваться, но все в порядке”» (s. 215). На 48-й фотографии диалог с собой еще более жизнеутверждающий: «“Тебе хорошо?” — “Да”» (s. 239).

Финальный фото-диалог, однако, нарушает это движение: «“Ты закончил?” — “Еще немного, и да”. — “Ты осмелишься закончить?” — “Вчера вечером мне пришлось в голову покончить с собой, но пока не закончил”. — “Так я именно об этом”. — “Я не покончил с собой. Закончу”. — “А что потом?” — “Посмотрю немного, как оно — на свободе”» (s. 243). Тема самоубийства впервые встречается в романе именно внутри последней фотоглавы, нарушающей видимое до того движение от непонимания и неприятия себя к примирению героя с действительностью. Эта глава оставляет финал открытым и не столь однозначным.

Если в начале романа фотографии несут скорее функцию лирических отступлений, пауз в основном повествовании, то впоследствии они перестают быть лишь описаниями изображения, а становятся микрорассказами, поясняющими и дополняющими основную сюжетную линию, на уровне мотивов и композиционного расположения глав они переплетаются с основным сюжетом романа, становясь его неотъемлемой частью.

Использование фотографии как дополнительного медиума в романе «Самый нормальный человек в мире» можно воспринимать как явление интерсемиотичности, используемое в понимании Л. П. Прохоровой — то есть в значении вербализации других семиотических

систем (а данном случае фотографии) в литературном тексте⁶. В данном случае художественный текст, стремясь передать фотографическое изображение в чистом виде, насыщен определенными приемами, отсутствующими в главах, обозначенных буквой «а». Так, например, эти фрагменты более подробно описывают внешность людей. Сравним описание женщины при первом упоминании из главы 4а: «Блондинка отлично выглядит, у нее длинные ноги, худая, как Ким Гордон в лучшие годы» (s. 19) — и первое описание матери, запечатленной на фото в главе 2: «Мама в летнем платье на бретельках, хотя сейчас декабрь, так написано сзади на фотографии. <...> У мамы большие, широко распахнутые глаза. Короткие волосы, аккуратно выщипанные брови, нос немного крупнее того, что сегодня разрешено для моделей, соблазнительные губы, выраженные клыки и полуулыбка. Сына держит под мышки. У нее не видны ногти на руках. Она смотрит в объектив фотоаппарата» (s. 9). Такое различие в описании людей сохранится на протяжении всего романа, однако отсутствие деталей при описании персонажей в «текстовых» главах компенсируется авторским вниманием к их движениям: «<...> одна девушка переходит улицу. То, как она переходит улицу, это песня о любви. Косуля в розовом платье, платье на бретельках, розовый в цветок, на ногах вьетнамки, вот и пальцы, работают, следят за равновесием, большой палец в главной роли, ногти красные, пакет из магазина в левой руке, телефон — в правой. Платье свободно обвивает ее бедра, живот, и едва ли грудь, каждый шаг — безошибочный, если ошибка вообще возможна в таких эпизодах» (s. 23).

Также в фотоглавах большее внимание уделяется окружающему людей пейзажу или интерьеру: «На заднем фоне доминирует белый каменный дом. Две лодки привязаны перед входом в дом. <...> На столе только большая пепельница и мамы красивые кисти...» (s. 13); «Она стоит на чем-то мягком, на каком-то матрасе, будто на кровати без постельного белья. За ней ограждение. За ним занавес, как в театре» (s. 31); «Вокруг него только луг, нет ни знака чего бы то ни было другого. И мяч. Темный, с белыми шестиугольниками» (s. 37). По полному описанию каждой фотографии можно воссоздать полную картину изображения. Но лишь для некоторых фотографий указано, в цвете она или черно-белая (прямо или используя цветовой акцент), насколько контрастен свет, где источник света, что в тени и где пересвет. Однако такие сугубо фотографические детали встречаются едва ли в четверти фотоглав.

---

⁶ Прохорова Л. П. Синкретическая интертекстуальность в литературной сказке // Текст: восприятие, информация, интерпретация. М., 2002. С. 110.

Роман «Самый нормальный человек в мире» имеет своеобразную структуру: И. Токин использует вербализацию изображений как своего рода водоразделы внутри основной сюжетной линии, которая благодаря этому приобретает бóльшую глубину и полноту, а средства, используемые автором, чередующим статичность фотокадра и динамичность описания движения, придают тексту неповторимый прерывистый ритм. Воображаемые диалоги с родителями или с самим собой, сопровождающие значительную часть описаний карточек, на протяжении всего произведения трансформируются, меняют свою тональность и отражают внутренние изменения героя, наравне с его размышлениями, поступками и решениями, описанными в «текстовых» главах. Мотивные переключки между двумя типами повествования в романе также способствуют созданию единого, пусть и фрагментированного, целого.

Источники и литература

Прохорова Л. П. Синкретическая интертекстуальность в литературной сказке // Текст: восприятие, информация, интерпретация: сб. докл. I Междунар. конф. Российского Нового Университета. М.: РосНОУ, 2002. С. 110–119.

Token I. Kolumne // City magazin. URL: <https://citymagazine.danas.rs/tag/ivan-tokin/> (дата обращения: 15.09.2021).

Token I. Najnormalniji čovek na svetu. Beograd: Samizdat, B92, 2017. 248 s.

Pantić T. Najnormalniji čovek na svetu. URL: https://www.delfi.rs/knjige/62988_najnormalniji_covek_na_svetu_knjiga_delfi_knjizare.html (дата обращения: 20.09.2021).

References

Pantić, T. *Najnormalniji čovek na svetu*, https://www.delfi.rs/knjige/62988_najnormalniji_covek_na_svetu_knjiga_delfi_knjizare.html. Accessed 20 September 2021.

Prokhorova, L. P. “Sinkretičeskaia intertekstual'nost' v literaturnoi skazke.” *Tekst: vospriiatie, informatsiia, interpretatsiia: sb. dokl. I Mezhdunar. konf. Rossijskogo Novogo Universiteta*, ed. by N. A. Zbrueva, O. Iu. Ivanova, Moscow: RosNOU, 2002, pp. 110–119.

Token, I. *Najnormalniji čovek na svetu*. Beograd: Samizdat, 2017, 248 p.

Token, I. “Kolumne.” *City magazin*, <https://citymagazine.danas.rs/tag/ivan-tokin/>. Accessed 15 September 2021.

**The photography in the novel by Serbian writer Ivan Tokin
“The Most Normal Man in the World”**

Yevgeniya V. Shatko

Candidate of Letters, minor research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: eshatko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9467-8987

Citation

Shatko Ye. V. The photography in the novel by Serbian writer Ivan Tokin “The Most Normal Man in the World” // *Slavic Almanac*. 2021. No. 3–4. P. 344–352 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.06

Received: 28.08.2021.

Abstract

I. Tokin’s debut novel “The Most Normal Man in the World” was released in 2014 and has gone through more than ten reprints. Written in the first person, it resembles a diary describing certain events in the life of the main character. The novel consists of 49 small chapters, each of which is divided into 2 parts, the first is always designated by a sequential number, and the second with the same number with the letter “a”, for example, the first chapter consists of the parts “1” and “1a”. At the same time, the first part of each chapter is a detailed description of one photograph from the childhood (less often youth) of the hero, and the second is a deeply intimate story about the life of a Belgrade citizen. While at the beginning of the novel the photographs rather carry the function of lyrical digressions, or pauses in the main narrative, later they cease to be only descriptions of the images. They become micro-stories, explaining and complementing the main plot line. The article presents an analysis of the change in the narrative model in the “photographic” chapters of the novel.

Keywords

Serbian literature, Ivan Tokin, “The Most Normal Person in the World”, photography and literature.